

АРАБСКАЯ ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА И МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ЛЕБЕДЕВ

Владимир Васильевич

канд. филол. наук, доцент; доцент
кафедры арабской филологии,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1)
E-mail: lebedev@iaas.msu.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, какая информация о мире и действительности передаётся на базовом уровне арабской временной системы оппозицией именного и глагольного предложения, какая — противопоставлением двух основных глагольных форм, какая — противопоставлением функционально самостоятельных и функционально несамостоятельных глагольных форм, какая — оппозицией форм со значением настоящего и прошедшего времени.

Ключевые слова: время, событие, состояние, оппозиция, прошедшее, настоящее, будущее, информация, языковая система.

В эпоху кризисов и перемен многое в жизни людей и их сообществ резко и круто ломается, заменяется, изменяется. Многое, но не всё. У жизни есть как свои переменные, так и свои константы.

К последним можно отнести средство межчеловеческой, межэтнической и межнациональной коммуникации — язык. И у языка, в свою очередь, как и у любой системы¹, есть свои постоянные и переменные величины. Грамматика, грамматический строй языка, грамматическая система с её подсистемами относится к первой из них. Грамматический строй литературного арабского языка, который можно было слышать на торжественном открытии обновлённой Московской Соборной мечети 23 сентября 2015 г., тот же, что и у языка, которым Пророк (с. а. с.) передавал своим сподвижникам слова Божественного Откровения. 14 веков, разделяющих эти два события, не вызвали в грамматической системе арабского языка ни полного расстройств, ни коренной ломки, ни даже заметных изменений. Структурные и системные кризисы прошли мимо неё. Очевидно,

¹ Восприятие жизни как системы с наибольшей глубиной и полнотой осуществляется, по нашему убеждению, в рамках религиозного мировоззрения.

такая система позволяет ставить вопрос об оценке степени своего функционального совершенства и качества организации. Эту задачу мы постоянно имеем в виду, раскрывая тот или иной аспект устройства и функционирования арабского языка Священного Корана.

Одной из основных функций естественных языков считается функция моделирования действительности¹. В данной статье рассматривается вопрос о том, как и что моделируется временной подсистемой литературного арабского языка. При этом будет взят только один её уровень — базовый. За пределами базового уровня находятся два других: расширенный и интегральный, производные по отношению к базовому.

1. Структура базового уровня арабской временной системы

Базовых временных форм в арабском языке три. Это 1) 'al-waladu rassāmūn — «мальчик — художник»; 2) rasama l-waladu — «мальчик рисовал»; 3) yarsumu l-waladu — «мальчик рисует».

Они охватываются следующим фрагментом нашей периодической системы темпоральных элементов литературного арабского языка (см. табл. 1).

Таблица 1

уровни (периоды)	типы предикации (ряды)	предикативные словосочетания (группы элементов)		
		предшествование прошедшее I	одновременность настоящее II	следование будущее III
1 БАЗОВЫЙ ¹ (время)	1 именной	(4)	1 'al-walad ^u rassām ^{un}	(5)
	2 глагольный	2 rasama l-walad ^u 2 ¹ kāna walad ^{un}	3 yarsum ^u l-walad ^u	(16)

2. Опозиции форм на базовом уровне арабской временной системы

Базовые временные формы образуют следующие оппозиции:

1) (1.1) 'al-walad^u rassām^{un} «мальчик — художник» ↔ (1.2) rasama l-walad^u — «мальчик рисовал» / (1.3) yarsum^u l-walad^u — «мальчик рисует»;

2) (2.1) rasama l-walad^u — «мальчик рисовал» ↔ (2.2) yarsum^u l-walad^u — «мальчик рисует»;

3) (3.1) rasama l-walad^u / (3.2) yarsumu l-walad^u ↔ (3.3) yarsum^a l-walad^u / (3.4) yarsum 'al-walad^u;

4) (4.1) 'al-walad^u rassām^{un} / (4.2) yarsum^u l-walad^u ↔ (4.3) rasama l-walad^u.

Для передачи информации, которая обеспечивается этими оппозициями, арабская языковая система задействует свои самые мощные средства. Это разные типы предикации (оппозиция 1), разные формы

¹ Кондрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах // О функции моделирования действительности как одной из основных функций естественного языка. М.: Наука, 1989. С. 69.

единой основы (оппозиция 2), языковая категория, обладающая наибольшей способностью к отражению реляционных отношений между языковыми единицами — категория падежей, словоизменения 'i'raḥ (оппозиция 3), семантика, смысловое значение форм (оппозиция 4).

2.1.1. Первую оппозицию составляют все участвующие в выражении времени предикативные конструкции: 1.1, 1.2, 1.3. её основу составляют разные типы порядка слов.

Структура 1.1 'al-walad^u rassām^{un} — «мальчик-художник» относится к типу СП (субъект + предикат/тема + рема). Её составляют слова только одного — именного — класса: ИИ (имя + имя)¹.

Структуры 1.2 rasama l-walad^u — «мальчик рисовал» и 1.3 yarsum^u l-walad^u — «мальчик рисует» относятся к типу ПС (предикат + субъект). Её составляют слова двух разных классов слов — глагольного и именного: ГИ (глагол + имя). Глагол представлен в этих структурах своими разными основными формами.

В арабской языковедческой традиции изначально была осмыслена фундаментальная роль порядка слов в арабском синтаксисе. Уже в «Книге» Сибавейхи (VIII в.) структуры типа 1.1 и типа 1.3 вместе взятые составляют экзemplярное определение предикативных отношений, предикативной конструкции, состоящей из *предиката и предцицируемого* 'al-musnad wa-l-musnad 'ilay-h².

В дальнейшем каждый из двух типов предикации получает своё название: *именное* jumlah 'ismiyyah и *глагольное* jumlah fi'liyyah предложение соответственно. Они автономно исследуются — каждое с применением своего понятийного аппарата — как две подсистемы арабской предикации с присущей каждой из них частеречной, синтаксической и коммуникативной структурой, порядком слов, механизмом взаимодействия ядерных компонентов между собой и с элементами распространения предикативного ядра, возможностями замещения их синтаксических позиций предикативными структурами, способами выражения временных, модальных и аспектуальных значений и типом передаваемой информации.

2.1.2. Два типа предикации в арабском языке — именной и глагольный — передают два типа информации. Какие?

Всю пропускаемую через себя информацию о мире арабский язык как бы разделяет на два потока. Каждый из них оформляется по одному из двух типов арабского предложения — именного или глагольного.

Один поток представляет информацию о «событии» — о том, что происходило, происходит или будет происходить. Она получает своё языковое воплощение в предложении глагольного типа (ПС/ГИ).

¹ Реализация функциональной эквивалентности единиц разного уровня, ведущая к замещению отдельной синтаксической позиции целым предложением, даёт возможность функционировать полипредикативным структурам, которые составляют третий, интегральный уровень арабской временной системы ('al-waladu yarsum^u — «мальчик он-рисует», kāna l-walad^u yarsum^u — «был мальчик он-рисует» [«мальчик рисовал»]). В данной статье этот уровень не рассматривается.

² См.: Сибавейхи. Книга. Каир, 1966. Глава hāzā bābu l-musnadi wa-l-musnadi 'ilay-h. С. 23.

Другой поток представляет информацию о «состоянии» — положении, в котором кто-нибудь или что-нибудь находится, находилось или будет находиться. Она получает своё языковое воплощение в предложении именного типа (СП/ИИ).

«Событие» и «состояние» не есть нечто, имеющее раздельное существование в реальной действительности. Действительность, по-видимому, вообще не делает скачков, и резкие, без «переходных рубрик» разделения и противопоставления ей чужды. Как, впрочем, чужды они и языку как естественной знаковой системе, принадлежащей этой действительности¹. Поэтому относить «события» и «состояния» к действительности целиком и полностью едва ли оправданно. Явления, стоящие за этими понятиями, относятся скорее к концептуализации этой действительности, которая не может состояться без её фрагментации, диверсификации и последующего структурирования выделенных фрагментов. А эти процедуры невозможны без участия субъекта концептуализации. Невозможны без человека — субъекта познания. Познание же, как известно, с необходимостью предполагает «расчленение единого»².

Арабский язык, который полагает в основу первичного расчленения действительности в информационных целях «события» и «состояния» и пропускает их через себя сквозь разные предикативные каналы — именной и глагольной — содержит тем самым информацию о «событиях», «состояниях» и «человеке» как коллективном носителе данной «картины мира» и как индивидуальном исполнителе данного «речевого акта». «Событие» и «состояние» как объекты и способы отражения бытия невозможны здесь без человека. Они невозможны без него и в принципе, поскольку «предельным определением» самого бытия является «субъектность, рефлексивность»³. Вместе взятые «событие», «состояние» и «человек» представляют собой, по-видимому, один из существенных фрагментов моделирования действительности арабским языком.

В этой модели и «события», и «состояния» невозможны вне времени. Во времени текут «события» и их последовательные совокупности — «процессы». Во времени фиксируются «состояния» и протекает их «становление»⁴.

В этой модели время «событий»/«процессов» и время «состояний» не одно и то же.

В этой модели общим типом временных отношений, в которые вступают и «события», и «состояния», является «одновременность».

В то же время для «состояний» одновременность является в этой модели доминирующим типом. Моделью как бы утверждается, что природа «состояния» требует господства принципа синхронии.

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 64.

² Проблемы пространства и времени в современном естествознании. Л., 1991. С. 40.

³ Черняк Л. С. Время у Гегеля // От философии жизни к философии культуры: сборник статей / отв. ред. В. П. Визгин. СПб: Алетейя. 2001. С. 323.

⁴ Становление состояний оформляется на втором уровне арабской временной системы, в рамках её именной подсистемы посредством вспомогательных глаголов (глаголов неполной семантики и неполной предикации) типа 'aşbaħa — «стать».

Для «событий» же господствующим типом являются отношения «прежде» или «после». Моделью как бы утверждается, что природа «событий» предполагает доминирование принципа диахронии.

В этой модели «события» как «процессуальные, динамические стороны окружающего нас мира»¹ демонстрируют более полную и тесную связь со временем, чем «состояния». Очевидно, «события» неразрывно связаны с «идеей движения и изменения»², и именно «события», которыми наполнено время, являются «исходными, основополагающими при характеристике времени»³. Если «события» происходят последовательно или одновременно, то для «состояний» более характерны устойчивость, одновременность по отношению к точке отсчёта.

Кроме того, «события» и их последовательности наиболее выпукло ставят вопрос и о причинных связях между явлениями действительности.

«События» (факты) составляют «процессы», отражающие динамическую сторону окружающего нас мира. «Состояния» содержат характеристики в первую очередь «вещей», а затем — имён событий. Они скорее отражают статичную сторону окружающего нас мира. «Вещи» и «процессы» вместе взятые суть всё, что наполняет «физическое пространство». Они суть то, что определяет содержание межчеловеческого общения в информационном поле.

Именно так представляет арабский язык на семантико-прагматическом уровне *информацию о времени* своими грамматическими средствами — *противопоставлением именного и глагольного предложения*.

2.2.1. Вторую оппозицию составляют две предикативные конструкции одного и того же глагольного типа: 2.1. *gasama l-walad^u* — «мальчик нарисовал» и 2.2 *yarsumu l-walad^u* — «мальчик рисует».

Она базируется на противопоставлении двух разновидностей арабской глагольной основы, имея тем самым как бы «внутриглагольный» характер.

Первая глагольная основа *gasama* представляется «идеальной» для предикации глагольного типа. Во-первых, она позволяет выразить только «необходимый и достаточный» семантический минимум сказуемого-предиката глагольного высказывания: действие + время (v+t). Во-вторых, она полностью свободна от каких бы то ни было «поползновений» дополнительно передать какую-либо информацию. В-третьих, она способна принимать *любой* показатель субъекта действия — как неместоименный, так и местоименный — только в позиции, определяемой для него порядком слов в предикативной структуре глагольного типа ПС, т. е. после третьего корневого сегмента глагольной основы.

Что же касается второй глагольной основы — *ya-rsum-u*, то она уже содержит набор инструментов (вариативность последнего корневого сегмента-*харфа*, наличие дополнительного сегмента в препозиции

¹ Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М.: Изд-во РАН ИФ, 2000. С. 84.

² Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 46.

³ Там же. С. 116.

к первому корневому, гласный компонент второго корневого харфа в его противопоставлении гласному первой глагольной основы), которые сами по себе обладают способностью к передаче дополнительной информации. При этом последний корневой сегмент этой основы обнаруживает черты откровенно «неглагольного» поведения: он имеет три разные формы, две из которых полностью совпадают с двумя падежными формами именного слова: $yarsum^u = 'al-rassām^u$, $yarsum^a = 'al-rassām^a$; $yarsum^0 \neq 'al-rassām^i$. Что же касается первого, префиксального сегмента второй глагольной основы, то в своих вариантах $'a-/u-$, $na-/nu-$, $ta-/tu-$ он берёт на себя выражение тех же значений, которые при первой глагольной основе выражаются личным местоимением, слитным для именительного падежа, присоединяемым к её последнему корневому сегменту-харфу: $gasam-tu$ нарисовал-я, $gasam-nā$ нарисовал-мы, $gasam-ta$ нарисовал-ты. Это — значение субъекта. Формально порядок слов, «предписываемый» глагольным типом предикации, оказывается у второй основной глагольной формы нарушенным: информация о субъекте предшествует информации о предикате ($'a-rsum^u$ — «я рисую», $na-rsum^u$ — «мы рисуем», $ta-rsum^u$ — «ты рисуешь»). Традиционная лингвистическая теория «спасает» реальное положение введением в описание мнимой величины — *скрытого субъекта* $damīr mustatīr$, имеющего такое-то и такое-то *виртуальное значение* $taqdīru-hu...$

Таковы отличия — и они весьма значительны — двух основных арабских глагольных основ. И тем не менее задачу их непосредственного противопоставления языковая система решает в пределах специально отведённого для него второго корневого сегмента: $gasama \leftrightarrow yarsum^u$. В зависимости от разных факторов¹ наряду с оппозицией $a \leftrightarrow u$ его обеспечивают оппозиции $a \leftrightarrow i$ и $i \leftrightarrow a$. Глагольные основы, «воздерживающиеся» от противопоставления гласных второго корневого сегмента в первой и второй формах (типа $u \leftrightarrow u$ и $a \leftrightarrow a$) тем самым передают дополнительную информацию, связанную с содержанием семы «действие»: у них оно ближе к «состоянию», чем к «деятельности».

С первой глагольной основой, представляющей собой как бы «ортодоксальную» глагольную форму, связывается выражение временного отношения предшествования, значения прошедшего времени.

Со второй глагольной основой, не в «полной мере» отвечающей всем формальным требованиям глагольной предикации и «теснейшими узами» — через флективное словоизменение и наличие общих словоформ — связанной с «противоположным» — именным классом слов, сопряжено выражение одновременности, настоящего времени.

2.2.2. Две основные глагольные формы: $gasama$ и $yarsumu$ («прошедшая» и «подобная»), выражая отношения предшествования и одновременности, прошедшего и настоящего времени, передают определённую

¹ В том числе число сегментов глагольной основы, «качество» согласных компонентов трёх-сегментного глагола, семантика «действия» в диапазоне между «деятельностью» и «состоянием», залог.

информацию и о «моделировании действительности» арабским языком. Какую?

В этой модели «ранг» предшествующего, предыдущего, бывшего, минувшего, былого, прошедшего, прошлого ставится выше «ранга» иных временных значений и отношений.

Эта модель, обеспечивая фундаментальное различие высказываний о прошлом, с одной стороны, и другими временами — с другой, очевидно, подчёркивает, что «реальность прошлого — это не то же самое, что реальность актуального настоящего. Это реальности разных видов, различающиеся способом существования»¹.

Эта модель фиксирует отражаемое и ощущениями, и теоретическим сознанием положение, что «прошлое существует иначе, чем настоящее»². Оно есть «некая данность», которой противостоит «нефиксированное будущее»³. Ведь прошлое «всегда *остаётся* прошлым, в отличие от *уходящего* настоящего и *приходящего* будущего» (курсив наш. — В.Л.)⁴.

Эта модель закрепляет ощущение и осознание того, что бытие в прошлом отличается от бытия в настоящем и будущем. Ведь прошлое дано нам в памяти, в то время как настоящее — в восприятии через внимание, а будущее — в планировании и ожидании⁵.

Этой моделью как бы подчёркивается, что прошлое — «одно единственное»⁶ в отличие, например, от будущего, которое всегда «альтернативно»⁷.

Этой моделью как бы напоминает, что именно от «раньше, чем» к «позже, чем» пролегает путь к установлению причинных связей между событиями и состояниями, составляющий содержание познавательной деятельности и научного поиска. Да и само «слово “причина” рассматривается как термин, относящийся к прошлому»⁸.

Эта модель, несомненно, утверждает «особый статус прошлого»⁹ в сравнении с другими, как выражаются философы, «фундаментальными атрибутами погружённого во временной поток бытия»¹⁰.

Так представляет арабский язык на семантико-прагматическом уровне *информацию о времени* своими грамматическими средствами — *противопоставлением первой (прошедшей) и второй (подобной) глагольных основ*.

¹ Анисов А. М. Указ. соч. С. 157.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ В иных, «специализированных» «временных мирах» картина может быть иной. Так, у историков, например, «нет единого прошлого, поскольку разные поколения историков имеют дело с разным прошлым». См.: Анисов А. М. Указ. соч. С. 171.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Рейхенбах Г. Направление времени / пер. с англ. Ю. Б. Молчанова, Ю. В. Сачкова. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 206.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 157.

2.3.1. Третью оппозицию составляют все формы двух глагольных основ. Это 3.1 *rasama*, 3.2 *yarsum^u*, 3.3 *yarsum^a*, 3.4 *yarsum*.

Первая форма представлена первой глагольной основой (в арабской грамматической традиции *fī'l māḍin*) *rasama*. Её конечный сегмент (харф), являясь своего рода «стыковочным узлом» с местоименным показателем субъекта действия или родовым показателем как местоименного, так и неместоименного субъекта, имеет разные варианты в зависимости от типа первого сегмента, присоединённого к нему местоименного или родового показателя:

- с гласным –и, если местоименным показателем является –ū: *rasamu-ū* — «нарисовал-они»;
- с гласным –а, если таким показателем является сегмент с нулевым гласным: *rasama-t* — «нарисовал-она»;
- с нулевым гласным, если местоименный показатель является сегментом с гласным: *rasam-tu* — «нарисовал-я».

Эта форма не обладает флективностью, словоизменением, т. е. не имеет системы словоформ, каждая из которых способна нести какую-либо дополнительную смысловую информацию. Она самостоятельно, в своих собственных пределах передаёт информацию о времени и действии.

Вторая форма-участница рассматриваемой оппозиции представлена второй глагольной основой с первым словоизменительным значением (в арабской грамматической традиции *fī'l muḍāri' marfū'*) *yarsum^u*. Средством выражения этого значения является гласный –и конечного сегмента глагольной основы¹.

Форма самостоятельно в своих собственных пределах передаёт информацию о времени и действии.

Третья форма в составе рассматриваемой оппозиции представлена второй глагольной основой со вторым словоизменительным значением (*fī'l muḍāri' maṣṣūb*) *yarsum^a*. Средством выражения этого значения является гласный –а конечного сегмента глагольной основы².

Эта форма самостоятельно в своих собственных пределах передаёт информацию о действии. Что же касается информации о времени, то в полном и завершённом виде она передаёт её только с участием контекста. Его образуют единицы закрытого списка слов класса частиц³.

Четвёртая форма в составе изучаемой оппозиции *yarsum* представлена второй глагольной основой с третьим словоизменительным зна-

¹ Гласный –и как средство выражения первого словоизменительного значения замещается наличием добавочного сегмента –на, если за конечным сегментом основы следует показатель женского рода «слушающего» лица –ī: *taktubīna* или показатель множественного числа мужского рода для «слушающих» или «отсутствующих» лиц –ū: *taktubūna*, *yaktubūna*.

² Гласный –а как средство выражения второго словоизменительного значения замещается отсутствием добавочного сегмента –на, если за конечным сегментом основы следует показатель женского рода «слушающего» лица –ī: *taktubī*, или показатель множественного числа мужского рода для «слушающих» или «отсутствующих» лиц –ū: *taktubū*, *yaktubū*.

³ 'an, lan и др.

чением fi'l mudāri' majzūm. Это значение выражается ею нулевым гласным –∅ конечного сегмента глагольной основы¹.

Эта форма самостоятельно в своих пределах передаёт информацию о действии. Полную, завершённую информацию о времени она передаёт только с участием контекста. Его образуют единицы закрытого списка слов класса частиц².

Наблюдаемое различие между четырьмя формами, входящими в состав исследуемой оппозиции, проходит по линии способа выражения времени. При этом две из них (первая и вторая) функционально самостоятельны и «самодостаточны» (термин профессора Г.М. Габучана)³ в отношении выражения времени, две другие (третья и четвертая) нуждаются для этого в дополнительном языковом материале. Функционально самостоятельные формы представлены как первой, не обладающей словоизменением основой, так и основой со словоизменением, её «прямой» словоизменительной формой. Функционально несамостоятельные формы представлены только «косвенными» (термины профессора Г.М. Габучана) словоизменительными формами второй основы.

Могут ли все четыре глагольные формы, являющиеся компонентами арабской временной системы, быть описаны в терминах временной семантики, если две из них «неполноценны», не отвечают требованиям информационной полноты?

По нашему убеждению, не только могут, но и должны по определению. Ведь глагол в арабской языковой системе — это то, что одновременно выражает и значение действия, и значение времени. «Ниши» для языковых форм, выражающих только действие или только время, в этой системе уже заняты. Для первых — подклассом единиц именного класса, называемым *масдаром* — *maṣdar* (yurīd^u 'ar-rasm^a — «он хочет рисование/рисовать»). Для вторых — подклассом единиц глагольного класса, называемым *глаголами неполной семантики и неполной предикации* fi'l nāqīṣ (kāna 'al-walad^u rassām^{an} — «был мальчик художником»).

Для характеристики всех «полноценных» и «неполноценных» форм *полнозначных глаголов* fi'l tāmm в терминах временной семантики нами вводятся понятия временной определённости и временной неопределённости⁴.

Функционально самостоятельные глагольные формы характеризуются как обладающие временной определёностью (предшествование и одновременность, прошедшее и настоящее соответственно),

¹ Нулевой гласный как средство выражения третьего словоизменительного значения глагола замещается *отсутствием* добавочного сегмента –на, если за конечным сегментом основы следует показатель женского рода «слушающего лица» -ī: tarsumī или показатель множественного числа мужского рода для «слушающих» или «отсутствующих» лиц-ū: tarsumū, yarsumū.

² lam, lamṡā и др.

³ Габучан Г.М. Арабское словоизменение: дис. ...д-ра филол. наук. М., 2000. С. 44–45.

⁴ Лебедев В.В. Временная определённость, временная неопределённость и основные формы арабского глагола // Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение». М., 2013. С. 86–88.

а функционально несамостоятельные — как обладающие временной неопределённостью¹.

Временная неопределённость не является устойчивой: она либо получает своё подтверждение с помощью частицы и вместе с ней начинает выражать инфинитив (*yurīd^u 'an yarsum^{-a}* — «он-хочет он-рисовать»), либо с помощью других частиц получает иное, нежели прямая словоизменительная форма, временное значение, а вместе с ним после такой «перезагрузки» она получает также дополнительное значение модального или аспектуального плана (*la-n yarsum^{-a}* — «не он-нарисует»; *la-m yarsum^{-o}* — «не нарисовал-он»).

Формы 1) *rasama*, 2) *yarsum^u* характеризуются временной определённостью.

Формы 3) *yarsum^a*, 4) *yarsum^o* характеризуются временной неопределённостью.

С учётом категории временной определённости — временной неопределённости соотношение глагольных основ и словоизменительных форм второй основы может быть представлено следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

временное значение	временная определённость		временная неопределённость	
	прошедшее	настоящее		
глагольные формы	<i>rasama</i>	<i>yarsum^u</i>	<i>yarsum^a</i>	<i>yarsum^o</i>

2.3.2. Какую информацию о «моделировании действительности» арабским языком передаёт нам оппозиция «временная определённость ↔ временная неопределённость», выражаемая противопоставлением функционально самостоятельных и функционально несамостоятельных глагольных форм? Что может скрываться за семантикой временной неопределённости, столь весомо представленной в арабской языковой системе? Ведь если временная неопределённость получает своё выражение в языке и потребляет тем самым его материальный ресурс, то она не должна быть мнимой, фиктивной величиной. Она, очевидно, как и временная определённость, отражает и некое свойство окружающего нас мира, и время нашего опыта, время повседневной жизни.

«Неопределённость есть чисто физический вопрос и может быть сформулирована как объективное свойство физического мира», — отмечает философ².

«Время нашего опыта фиксируется с помощью регистрирующих инструментов. Для человека как части природы таким инструментом яв-

¹ В таком случае знаковая роль гласного сегмента словоизменения второй глагольной основы сводится к указанию на временную определённость/временную неопределённость: гласный *-i* информирует о временной определённости (одновременность, настоящее время), а гласные *-a* и нулевой гласный *-o* — о временной неопределённости.

² *Reichenbach H. The Direction of Time / ed. by M. Reichenbach. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1956; Рейхенбах Г. Указ. соч. С. 296.*

ляется его память, подчиняющаяся законам теории информации»¹. Так, «вчерашние переживания регистрируются в нашей памяти, а переживания завтрашнего дня — нет, и они не могут быть зарегистрированы до тех пор, пока завтра не станет сегодня»². По мнению философа, «различие между индетерминизмом будущего и детерминизмом прошлого выражается, в конечном счёте, в законах физики»³. Само время с его прошедшим, будущим и настоящим⁴ есть противостояние определённости и неопределённости и их синтез, отражаемый понятием «становление»: «настоящее время, отделяющее будущее от прошлого, является моментом, в котором индетерминированное становится детерминированным»⁵.

К денотатам/референтам временной неопределённости можно отнести также события, «временной порядок которых является неопределённым», которые противостоят «причинно упорядоченным событиям»⁶.

Сюда же можно отнести и факты, вытекающие из того обстоятельства, что «человеческое знание о микрокосмосе ограничено принципом неопределённости», поскольку сами люди являются макроскопическими объектами» и «их выводы относительно микрокосма <...> основаны на макроскопических наблюдениях»⁷. Небезынтересно для нашего исследования и то, что «в самом принципе неопределённости содержится отрицательное утверждение»⁸.

Бесспорно, языковая система, обеспечивающая временной неопределённости формальное выражение, отражает в той или иной мере эти и другие факты наличия сфер и областей, «не определённых к порядку времени»⁹.

Естественно, что и мир мыслимого, желаемого, возможного, предполагаемого, обусловленного, гипотетического, мир всего, что выходит за область наблюдаемого, также связан с временным индетерминизмом. Разные языковые системы отмечают его разными формами. В европейской языковедческой традиции они описываются в терминах категории наклонения. Арабский же язык задействует для этого самый мощный регулятор отношений между словами, каковым является единая для именных и глагольных слов категория словоизменения, категория падежей.

Так представляет арабский язык на семантико-прагматическом уровне *информацию о времени* своими грамматическими средствами — *противопоставлением функционально самостоятельных и функционально несамостоятельных глагольных форм*.

¹ Reichenbach H. Op. cit.; Рейхенбах Г. Указ. соч. С. 358.

² Там же. С. 358.

³ Там же. С. 357.

⁴ Такая последовательность времён используется, в частности, в «Книге» Сибавейхи. См.: Сибавейхи. Книга. Глава 1.

⁵ Рейхенбах Г. Указ. соч. С. 357.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ Там же. С. 285.

⁹ Там же. С. 63.

2.4.1. Четвертую оппозицию составляют те же предикативные формы, которые образуют первую оппозицию. Однако группируются они здесь по-другому: группа форм со значением одновременности, настоящего времени противопоставляется форме со значением предшествования, прошедшего времени.

В первую группу входят именное (4.1 'al-walad^u rassām^{un}) и глагольное (4.2 yarsum^u l-walad^u) предложения. Во вторую — глагольное (4.3 rasama l-walad^u).

Основу данной оппозиции составляет семантика времени. Одновременность точке отсчёта, настоящее время передаётся именным (4.1) и глагольным (4.2) предложениями. Предшествование точке отсчёта, прошедшее время передаётся глагольным (4.3) предложением. Противопоставление проходит между двумя конструкциями: именной и глагольной, выражающими настоящее время, с одной стороны, и одной конструкцией глагольного типа, выражающей прошедшее время, — с другой.

2.4.2. Какую информацию о «моделировании действительности» может содержать в себе тот факт, что арабская языковая система на своём базовом уровне «мобилизует» на выражение значения настоящего времени все имеющиеся в её распоряжении предикативные ресурсы: именной, и глагольный тип предложения, в то время как на выражение прошедшего времени она «оставляет» лишь один, глагольный тип? Не «желает» ли она «сказать» тем самым, что настоящее одинаково значимо и существенно как для «событий», так и для «состояний», как для «процессов», так и «вещей», в то время как прошедшее существенно для «событий» и «процессов» и не представляется таковым для «состояний» и «вещей». Не «желает» ли она тем самым утвердить некий особый статус настоящего и для мира «событий», и для мира «состояний» одновременно?

Статус же этот, по-видимому, существует. Ведь настоящее по-иному, чем прошедшее или будущее, относится к категории бытия. «Есть только настоящее, — отмечает философ, — прошедшего уже нет, будущего ещё нет»¹. Именно настоящее, и только оно «имеет подлинное бытие»². Оно же, как и всякая действительность, воспринимается нами с помощью органов чувств. Так, мы «слышим» время: так называемый «текущий момент» составляет около 3 с³. И ещё одно свидетельство об окружающем нас мире: «событие обладает полнотой свойств лишь пока оно находится в настоящем»⁴.

Так представляет арабский язык на семантико-прагматическом уровне *информацию о времени* своими грамматическими средствами — числом временных форм *именного и глагольного типов предложения*.

¹ Анисов А. М. Указ. соч. С. 18.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 158.

Весьма показательно, что арабская временная система дважды «высказывается» своей структурой по вопросу о приоритете одновременности или предшествования, настоящего или прошедшего времени. При этом на уровне одной из двух своих подсистем — глагольной, «обслуживающей» высказывания о «событиях», на уровне «локальном» система «отдаёт предпочтение» прошедшему времени, выделяя для него идеальную, «чистую», свободную от всяких «примесей» глагольную форму (*gasama*). На «тотальном» же уровне, включающем в себя наряду с глагольным и именной тип предложения, оформляющий высказывания о «состоянии», предпочтение отдаётся настоящему времени: для его выражения система «предназначает» две формы (*yarsum^u* и *'al-walad^u rassām^{un}*) из трёх, имеющих у неё в арсенале базовых элементарных форм.

В этом нами усматривается очередное свидетельство предельной гибкости естественной знаковой системы, которой является рассматриваемый здесь литературный арабский язык, той гибкости, которая, по-видимому, является одним из факторов устойчивости самой этой системы.

Литература

Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М.: РАН ИФ, 2000. 208 с.

Габучан Г.М. Арабское словоизменение: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 78 с.

Кондрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах // О функции моделирования действительности как одной из основных функций естественного языка. М.: Наука, 1989.

Лебедев В.В. Временная определённость, временная неопределённость и основные формы арабского глагола // Тезисы докладов научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение». М., 2013.

Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 304 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

Проблемы пространства и времени в современном естествознании. Л., 1991.

Черняк Л.С. Время у Гегеля // От философии жизни к философии культуры: сборник статей / отв. ред. В.П. Визгин. СПб: Алетейя. 2001.

Рейхенбах Г. Направление времени / пер. с англ. Ю.Б. Молчанова, Ю.В. Сачкова. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 396 с.

Сибавейхи. Книга. Каир, 1966 (на араб. яз.).

Reichenbach H. The Direction of Time / ed. by M. Reichenbach. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1956.

Arab and Muslim world: trends, contradictions, cultural and national heritage

ARABIC TENSE SYSTEM AND REALITY MODELING

Vladimir V. LEBEDEV

Cand. Sci. (Philol.), associate professor;
associate professor of the Chair of Arabic
Philology, Lomonosov Moscow State
University, Institute of Asian and African
Studies (11, bld 1 Mohovaya St, Moscow,
125009, Russian Federation)
E-mail: lebedev@iaas.msu.ru

Abstract. The article considers the issue of what message about the world and reality is conveyed at the basic level of the Arabic tense system by 1) the opposition of the equational and verbal sentence, 2) the opposition of two basic verbal forms, 3) the opposition of functionally independent and functionally dependent verbal forms, and 4) by the opposition of forms with the meaning of the present and past tenses.

Keywords: tense, event, status, opposition, past, present, future, information, language system.

